

СТОЛИЦЫ СИБИРСКИХ АВТОНОМИЙ: СОВЕТСКИЙ ПРОЕКТ НАЦИЕСТРОИТЕЛЬСТВА И ЭТНИЗАЦИЯ ГОРОДСКОГО ПРОСТРАНСТВА⁹

Дятлов Виктор Иннокентьевич,
доктор исторических наук, профессор
Иркутского государственного университета, г. Иркутск
E-mail: vikdyatlov@yandex.ru

Этнизация как проект. Коренизация в советской стратегии нациестроительства. Решающая роль города – как механизма, инструмента выращивания наций из традиционалистского сельского населения советских автономий Сибири. Классическая модель: «от крестьян к французам». От уездных и провинциальных городков – к маленьким столицам. Трансформация социального и культурного пространства городов «назначенных» быть столицами. Смена ими функций, состава и структуры населения, характера межгрупповых отношений, стиля жизни. Меняющаяся роль этничности.

Ключевые слова: этнизация, советские автономии, национальная политика, столицы сибирских автономий, коренизация.

CAPITALS OF SIBERIAN AUTONOMIES: SOVIET PROJECT OF NATION BUILDING AND ETHNIZA- TION OF URBAN SPACE

Dyatlov Viktor Innokentyevich,
Irkutsk State University, Irkutsk

Ethnization as a project. Indigenization (korenizatsiya) in the Soviet strategy of nation building. The decisive role of the city as a mechanism, instrument for the nurture of nations from the traditionalist rural population of the Soviet autonomous regions of Siberia. The classical model "peasants into Frenchmen". From provincial towns - to small capitals. Transformation of social and cultural space of cities "appointed" to be capitals. The change of functions, composition and structure of population, the nature of inter-group relations, way of life by them. The changing role of ethnicity.

Keywords: ethnization, Soviet autonomies, national policy, capitals of the Siberian autonomies, indigenization (korenizatsiya).

⁹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 18-18-00293).

У каждого сибирского города своя неповторимая история и собственный уникальный облик. Однако есть несколько городов, которые при всей своей уникальности схожи в том, что являются не просто административными, экономическими и культурными центрами, а столицами национальных автономий в советскую эпоху и столицами *национальных субъектов федерации* сейчас. Эти города имеют разную историю. Они могли происходить как из старых острогов (как Якутск), так и сельских миссионерских центров, как Горно-Алтайск. За их спинами – разные традиции и разная длительность истории городской жизни. В советские годы они – тоже по-разному – осуществляли обычные городские функции, прежде всего производство городских товаров и услуг для хинтерланда, прилегающей округи. Были центрами власти и управления. Локомотивами модернизации – через очаги промышленности, систему образования, культуры, медицины.

Однако на первый план выходила возложенная на них центральной властью политическая, идеологическая и культурная миссия. В рамках стратегии социалистического строительства они были назначены быть не просто административными центрами и очагами модернизации, но национальными столицами – причем столицами только формирующихся наций. Или наций, только запроектированных к формированию. Они должны были стать инструментами, фабриками по выращиванию наций – по определению городского продукта. Используя известную метафору о трансформации «крестьян во французов», они должны были превратить патриархальные традиционалистские сельские общества в современные нации.

В основу советского проекта нациестроительства закладывался этнический принцип. И функция национальной столицы как фабрики, инструмента для выращивания нации, придавала этническому фактору совершенно особое значение. Этничность институционализировалась и закладывалась в основу властных отношений, становясь ресурсом власти, формирования структур повседневности. Напрашивается гипотеза о том, что фактор этнизации властных, культурных, экономических взаимоотношений в таких городах, в механизмах формирования групп горожан и в их повседневных взаимодействиях будет более ярко выражен относительно городов, не обремененных подобной функцией. Иными словами, этнизация отношений зависит не от этнической структуры населения города, а от значения придаваемого этничности властью. А вслед за властью – обществом, обычными людьми.

Сама постановка вопроса об этнизации подразумевает процесс перехода от неэтнического к этническому состоянию. Между тем в XX в. значение этничности для общества и для отдельного человека было (и остается сейчас) так велико, что трудно представить себе отсутствие этнического фактора (национальности, говоря советским языком) в повседневной жизни и властной организации общества. Стоит вспомнить только значение «пятого пункта» в советскую эпоху. Подавляющая часть горожан осознают себя этнофорами, носителями некой национальности и при необходимости выстраивают свое поведение в соответствии с этим. Нынешнее отсутствие «пятого пункта» этому не мешает.

Что же понимать тогда под этнизацией? Этничен ли вообще социальный ландшафт? Возможно ли, чтобы, например, городская среда была до какого-то момента не этнической, и вдруг по каким-то причинам принялась этнизироваться? Если да, то почему и как? [подр. см.: *Дятлов* 2015, с. 9–15]

Возможны несколько вариантов ответа на этот вопрос: 1) сама постановка проблемы подобным образом не корректна; 2) этнизация возможна как единовременный акт перехода от не-этнического к этническому состоянию; 3) этнизацию можно понимать как результат актуализации этнического фактора под воздействием неких важных причин и обстоятельств; 4) этнизация выступает как способ «называния» привычным набором терминов новых явлений, с придачей «этническим» категориям новых смыслов и коннотаций. В полном соответствии со схемой Р. Козеллека происходит темпорализация термина (наполнение старых слов новыми смыслами), его демократизация (выход за пределы академической сферы, использование низшими или широкими слоями общества), идеологизация и политизация [*Словарь* 2014, с. 27–32].

Оставим за скобками первый вариант. Он решается в практически снятом споре констуктивизма и примордиализма. Остальные предполагают, что в жизни сообществ могут наступить обстоятельства, когда этническая идентификация и самоидентификация выступает на первый план и диктует стратегии и практики поведения значительных масс людей. Что может стать причиной этого? При каких обстоятельствах людям вдруг становится нестерпимо важна их «национальность»? При каких условиях и обстоятельствах, по каким причинам этничность становится действенным инструментом мобилизации, когда она становится мощным регулятором взаимоотношений?

Проблема, видимо, в том, что этничность манифестируется или не манифестируется. Играет значимую роль в публичном пространстве или остается частным делом. При таком подходе этнизация – это процесс манифестации, а значит мобилизации этничности, выхода ее в публичную сферу.

Выделим несколько важных для нас случаев, чтобы посмотреть, в результате каких причин и каким образом происходит актуализация этничности в качестве важного, возможно ключевого фактора при регулировании общественных отношений. Иначе говоря, ситуаций, при которых чувство этнической принадлежности начинает диктовать образ жизни и модель поведения значимого числа горожан. Когда в городе появляются этнически маркированные объекты, поля отношений, а демонстрация этничности становится частью повседневности.

В результате урбанизационных процессов в город идет мощный приток новичков из деревни. Они инокультурны уже по условию – в качестве вчерашних крестьян. Но иногда их инокультурность может быть и этнически маркированной. Тогда крестьянин может оцениваться горожанами и как «деревенщина», и как этнически чужой. Особенно если новички выделены языком, религией, обликом. Они с трудом адаптируются к городской жизни, приносят с собой собственные привычки, манеры, уклад и образ жизни, модели социальной организации, непривычные, а то и глубоко чуждые горожанам. Вытекающая отсюда негостеприимность городского сообщества может формировать у них агрессивные реакции. Возможна борьба за ресурсы – экономические или символические. И тогда неизбежное напряжение между горожанами и новичками может быть выражено и в этнических категориях, приобретать этническое измерение и окраску. Однако город переваривает новичков, постепенно «выделявая» из них и, особенно из их детей, горожан. Это нивелирует культурные контрасты и может (хотя и не всегда) снимать и этнически-маркированное напряжение. Правда, адаптационные возможности города имеют свои пределы и, если интенсивность миграционного притока превышает их, то город может захлебнуться, сменить свой облик, рурализоваться. Это процесс конфликтный и также может принимать форму этнизации.

В силу исторических причин город может менять свои функции. Иногда быстро, внезапно и радикально. Это может сопровождаться и изменением состава его населения. Вернее – структуры населения и характера взаимоотношений в городском сообществе. В некото-

рых случаях, это становится этнически маркированным процессом. Классические примеры таких процессов дают имперские города после империи. Города, обслуживавшие общеимперские функции и потерявшие смысл существования после их исчезновения. Иногда это приводит к их упадку, деградации и прозябанию. Чаще же к обретению новых функций. Происходит при этом и смена населения – через уход, выдавливание (изгнание) одних групп и приход, иногда искусственное привлечение других. Население меняет функции, статусы, жизненные стратегии и практики.

Для нас важно то, что в рамках этого феномена предполагается существование городов, обслуживающих общегосударственные нужды или реализующих задачи центральной власти. В каком-то смысле – это форпосты, представительства центральной власти, осуществляющие те или иные общегосударственные задачи. В этом их принципиальное отличие от городов, чьей основной функцией является обслуживание нужд прилегающего региона – хинтерланда. Возможно, характер отношений с хинтерландом и может быть основным признаком имперского города. Точнее – степень отчужденности от него. Конечно, имперский город не изолирован от хинтерланда – он обслуживает городские нужды прилегающей сельской территории попутно, просто фактом собственного существования. Специфические функции формируют особый состав и структуру населения. Особый тип социальных связей и отношений. Специфическую культуру. И все это принципиальным образом отличается от того, что господствует в хинтерланде. Иногда это выражается и в этнических категориях, вплоть до того, что город и хинтерланд говорят на разных языках. Для имперского города характерна этнокультурная гетерогенность, космополитизм, открытость. В любом случае – это не органическая часть хинтерланда в экономическом, социальном и культурном отношениях.

Бывшие имперские города часто становятся важнейшим инструментом, «фабрикой» нациестроительства. Особенно если такая задача ставится осознанно и проводится в жизнь политическим режимом. Вбирая в себя население хинтерланда, они не просто превращают его в горожан. Они выстраивают из них нацию. Нациестроительство – процесс городской, невозможный вне городской культуры и городского типа отношений, без городских слоев, которые, собственно, и формируют нацию.

Поглощение таких городов ино-этничным хинтерландом по условию конфликтно. Происходят рурализация города, изменение

его этнического состава, выдавливание (или изгнание) одних его фракций, рост других. Радикально уменьшаются космополитизм и открытость, что неизбежно ведет к сокращению влияния, авторитета, иногда и численности, связанных с этим слоев и социальных групп. Но этот конфликт, в принципе традиционный для процесса урбанизации городского пространства в условиях ускоренной урбанизации, приобретает новое измерение в контексте процесса и политики нациестроительства. Это уже не просто столкновение культур и интересов «понаехавшей деревенщины» и «шибко грамотных, наглых и шустрых» горожан. Это конфликт между формирующейся и формируемой нацией в этническом ее понимании и теми, кто не вписывается в этот процесс, кто считается чуждым или даже враждебным ему. Результаты могут быть самыми печальными для них – достаточно вспомнить левантинцев насеровского Египта, погромы и изгнание армян из независимого Азербайджана, массу других печально известных примеров.

Иногда в чужеродности и анти-национальности обвиняются «городские казахи» в Казахстане [Алексеев 2012, с. 384–389]. В условиях интенсивного нациестроительства создают кумулятивный эффект несколько процессов. Эмигрирует русскоязычное население. В город приходят крестьяне, казахи – но не в качестве низкостатусных новичков, стремящихся влиться в городское сообщество через принятие его норм, правил, языка, моделей поведения и т.д. Горожанами становятся люди, ощущающие себя представителями господствующей нации. Приходят как хозяева. Это происходит в русле казахизации как целенаправленной государственной политики. Проводится курс на изменение этнического состава населения (привлечение оралманов, спокойное отношение к эмиграции не казахов), казахизация госаппарата, смена названий городов и улиц, соответствующая языковая, образовательная политика и т. д.

Ключевая характеристика ситуации при советской власти – национальное проектирование. В соответствии с этим – пристальное внимание к этническим проблемам, их актуализация во всех сферах общественной жизни. Однако в соответствии с эволюцией Советской власти менялись и проекты, что прямо отражалось на процессах этнизации общественного пространства. Национальное строительство 1920-х гг., целенаправленное выстраивание наций на этнической основе, коренизация затем плавно переходят в борьбу против «буржуазного национализма» и в проект создания «советской нации» и «новой исторической общности – советский народ». Последствия были чрезвычайно противоречивы. Переформатиро-

вание общества по национальному признаку («пятый пункт») сочетается с вытеснением этничности из практик обыденной жизни. В городах исчезают этнически маркированные общественные пространства – национальные организации, сообщества, культовые объекты.

Исключение, однако чрезвычайно важное, – ситуация в национальных автономиях. Здесь проводился противоречивый, неоднократно меняющийся, но не прекращавшийся проект выращивания наций в рамках соответствующих административно-политических образований.

Невероятно интересен случай дореволюционного, чисто русского по населению уездного города Верхнеудинска, назначенного советской властью быть столицей формируемой бурятской автономии, ставшего в результате основной площадкой и механизмом формирования современной городской бурятской нации [Балдано, Кириченко 2014, с. 50–66; Балдано, Дятлов, Кириченко 2017]. Он не просто сменил название. Изменилась его этническая структура, изменились функции и система отношений и связей. Теперь это уже не только региональный центр, город в сельском окружении, осуществлявший традиционные для этой роли функции организации власти, снабжения, образования и т. д. Прежние функции были оттеснены на задний план новыми, властными задачами. Прежний хинтерланд не исчез – он растворился в новом. Вместе с функциями изменился и этнический состав, но не за счет вытеснения старого населения, а благодаря массовому притоку нового, в значительной степени бурятского.

Улан-Удэ можно рассматривать в категориях проекта. Реализуя политическую задачу, город создает нацию из партикуляристского племенного населения. Создает, конечно, не на пустом месте. В последние десятилетия имперской России сформировался немногочисленный, но мощный по интеллектуальному потенциалу, общественно активный слой европейски образованный (через русский язык, культуру и систему образования) бурятской интеллигенции. Она накопила огромный политический опыт и приобрела вес и влияние в годы гражданской войны. Национальный эксперимент советской власти объединил этот слой и город, в котором до этого буряты практически не жили. Именно город стал инструментом выращивания современной городской нации. Целенаправленно формируются новые социально-профессиональные группы – номенклатура, интеллигенция, городские средние слои, рабочие. Пауперизированное сельское население становится материалом для социаль-

ной инженерии. Все это происходит в контексте социалистической индустриализации. Создается (и для индустриализации, и для нациестроительства) система образования – от детских садов до высших учебных заведений. Это важнейший социальный лифт. Еще более значимый лифт – политика коренизации [Мартин 2011]. Выстраивается типовой столичный набор социальной и культурной инфраструктуры – от властных структур до музеев и театров. Создается общепобурятский литературный язык. Устный народный эпос Гэсер становится литературным произведением современного типа, базовым и унифицированным фундаментом культурной традиции нации.

Этничность сразу становится важнейшей функцией города – с момента назначения его столицей. Сначала – символическая, но вскоре, с появлением бурятской городской элиты и началом массовой урбанизации Бурятии, этничность Улан-Удэ наполнилась и реальным содержанием. Стоит еще раз повторить, что Улан-Удэ стал не просто результатом этнического (национального в категориях отечественной традиции) проекта. Это был проект имперский, во многом совпавший, конечно, с формирующимся проектом европейски образованной бурятской элиты. Сама функция столицы *национальной* автономии, сопровождаемая политикой коренизации, выращиванием бурятской культурной и административно-политической элиты, официальным существованием статуса титульной нации, – все это и многое другое делало массу общественных отношений и связей этнически окрашенными, а этнический фактор – высоко актуальным в повседневной жизни.

Улан-Удэ становится «советской столицей национальной республики» [Скрынникова 2006, с. 71–85]. Известный бурятский ученый и общественный деятель Т.М. Михайлов назвал его выражением национального духа: «Буряты...в большинстве своем остались на земле предков, сохранили свой Дом. Под этим домом подразумевается, по сути, Республика Бурятия с ее центром – городом Улан-Удэ, ибо здесь средоточие национального духа» [1996, с. 18–25].

Пример Улан-Удэ ярок, интересен, эвристически важен. Однако дальнейшее осмысление его опыта и уроков невозможно вне сравнения ситуаций, вне компаративистики. Насколько этот пример типичен – и насколько уникален? Для ответа на этот вопрос требуется – помимо всего прочего – сравнение опыта нациестроительства в других национальных республиках Сибири, анализ динамики развития их городских центров, их функций, состава населения, симво-

лической роли. Можно предположить, что наряду с некоторыми общими характеристиками, связанными прежде всего с советской политикой нациестроительства, существует и огромная специфика, вызванная самой историей городов, их численностью и этническим составом, численностью, структурой и удельным весом титульного населения в составе национальных республик, ролью в нем городского населения и массой других факторов.

Для ответа на эти важные не только для региональных и этнических сообществ вопросы напрашивается идея проведения большого комплексного компаративного исследования. Задача большого проекта.

Литература и источники

Дятлов В.И. Этнозация общественного пространства: причины и механизмы процесса // Вестник ТГУ. История. – 2015. – № 5. – С. 9–15.

Словарь основных исторических понятий: избр. статьи: в 2 т. Т. 1. – М.: Новое литературное обозрение. – 2014. – 736 с.

Мартин Т. Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939. – М.: РОССЛЭН; Фонд «Президентский центр Б.Н.Ельцина», 2011. – 666 с.

Алексеев А. Миграции и борьба за городское пространство в независимом Казахстане // Местные сообщества, местная власть и мигранты в Сибири на рубежах XIX–XX и XX–XXI веков / науч. ред. В.И. Дятлов. – Иркутск: Оттиск, 2012. – С. 384–389.

Балдано М.Н., Кириченко С.В. Этнозация городского пространства Верхнеудинска/Улан-Удэ: город как инструмент выращивания современной городской нации // Известия ИГУ. Сер. Политология. Религиоведение. – 2014. – Т. 10. – С. 50 – 66;

Балдано М., Дятлов В., Кириченко С. Город, ставший Домом. От уездного Верхнеудинска к столичному Улан-Удэ // Дружба народов. – 2017. – № 6 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/druzhba/2017/6> (дата обращения: 05.03.2018).

Скрынникова Т.Д. Улан-Удэ – советская столица национальной республики // Город в системе этнокультурных взаимодействий Байкальской Азии: мат-лы межд. научн. семинара-совещания. – Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2006. – С. 71–85.

Михайлов Т.М. Национальное самосознание и менталитет бурятского народа // Современное положение бурятского народа и перспективы развития. – Улан-Удэ, 1996. – С. 18–25.